

СТИЛЬ

Записки охотника

мужчина приключения

Помните старый анекдот? «Что-то меня опять Гондурас беспокоит. — А ты не терпи, почеси!» Так вот, все нижеследующие истории — они про Гондурас, то есть про приключенческий зуд. Кто из нас не искал приключений на свою голову? Своим опытом делится **Геннадий Йозефавичус**.

Муж моей приятельницы, к примеру, раз в году обязательно сбегает из офиса, собирает компанию сумасшедших, пишет заветашание и отправляется куда-нибудь подальше, в горы, туда, где никакой телефон не берет. А ведь муж моей приятельницы — преуспевающий бизнесмен, занимающийся, кстати, любимым делом.

А другого моего знакомого осенью и весной неумолимо тянет куда-то в плавни Волги, он бросает офис, дела, оставляет дома телефоны (все равно они там не работают) и отправляется на рыбалку. На настоящую русскую рыбалку — с ащиком водки, с сетью, с местными мужиками на посылках.

А еще один ездит, вернее, летает на охоту на Север. Нанимает вертолет, берет побольше патронов, водки (куда без нее), хороших друзей, да и на лесную заимку, подальше от цивилизации.

У каждого из нас множество таких друзей. Не все же на яхтах вдоль берега Сардинии ходить, хочется иногда чего-нибудь настоящего. Чего-нибудь не загаженного хорошим вкусом, гастрономической кухней, не изъезженного сверкающими лимузинами.

Я, конечно, не пример. У меня и лимузина-то своего нет, да и путешествия я все больше за пределами собственной страны. С другой стороны, я человек, избалованный пятизвездным комфортом. А ведь хочется и удочку забросить, и поохотиться, и утраченное физическое на выносливость исполнить. Приходится выкручиваться и на территории пресловутого пятизвездного комфорта выискивать зоны, свободные от ужасов и кошмаров глянцевого путешествия.

Соколиная охота в Шотландии

Происходит это, как правило, внезапно: посреди какой-нибудь важной встречи, или во время обеда ближе к десерту, или на премьере фильма «Возвращение», или вообще во сне. Это примерно как у собаки. Живет себе болонка в городской квартире, зверей только в программе «В мире животных» видит, а потом раз — и начинается по всему дому охотиться за тапками хозяйина, и сладу с ней уже никакого. Вот и у меня как-то раз что-то перовобитое в районе живота приключилось, что-то проснулось, обоняние обострилось, обаяние притупилось, и мне захотелось немедленно поохотиться. Не на медведя, конечно, и не на слона; даже не на оленя с антилопой, а на мелочь какую-нибудь — кролика там, рябчика, что-то в этом роде. Стрелять при этом не хотелось вовсе. Во-первых, не целился я из ружья со времен школьного тира, а во-вторых, никакого такого охотничьего билета у меня и в помине не было. Вобщем, я выбрал соколиную охоту.

Взял я билет до Лондона, где в Хитроу не без удальства переждал в британшировском винном баре (для путешественников на охоту бизнес-классом) пару часов, отделявших меня от перелета в Глазго, и еще через час уже был в Шотландии. Там — марш-бросок до отеля Gleneagles, поселение в номере с видом на холмы и немедленная рекогносцировка. Из буклета я уже знал, что (кроме знаменитых гольф-полей (которые меня не интересовалих в тот момент) в Gleneagles имеется соколиный питомник. Туда я и направился.

Прямо в тылу гостиничного здания, за теннисными площадками, я обнаружил двухэтажный особняк. Через зарешеченные окна первого этажа на меня грозно пялились надменные птицы. На втором этаже я нашел склад с резиновыми сапогами, вешалку с особыми перчатками и краснолицего джентльмена, приветливо предложившего мне поохотиться с птичками на кроликов. Того-то мне и надо было!

Мы сговорились наутро следующего дня, и я пошел продолжать начатые в Хитроу опыты в гостиничный бар. Это же тоже охота — искать среди трех сотен сортов виски именно тот, что тебе нужен. Более того, это не просто охота, это — полное неожиданностей и опасностей приключение.

Наутро, с радостью обнаружив на завтраке предлагаемый наравне с апельсиновым соком коктейль Bloody Mary,

А. КОСЛОВСКИЙ

я привел голову в порядок, съел яйца с беконом и, одевшись в непромокаемую куртку, пошел в питомник.

«Лэндровер» и давешний краснолицый потомок бесмертного Маклауда уже ждали меня на заднем дворе. В багажном отделении автомобиля стояла клетка с птицами, издававшими недовольный клекот. Я натянул веллингтоны, обвязал горло шарфом, и мы поехали в поля.

Справа и слева от нас бесконечно, до самого горизонта, пузырились знаменитые шотландские холмы.

— Эти, видишь, по ту сторону от дороги, принадлежат какому-то русскому, а вон те — американцам из Калифорнии, а холмы, на которые мы едем, вообще арабские. То есть их какой-то принц, из Саудов, купил. Приезжает он сюда редко — климат не тот, а потому решает нам у него во владениях охотиться, чтобы кролики не слишком плодились. А то роют свои норы где ни попадя, и склоны обваливаются. А кому же холмы с обвалившимися склонами нужны? Никому не нужны, вот капитализация и падает. В общем, мы тут с моими птичками порядком наводим, длинноухим спуску не даем.

Мы давно уже свернули с асфальта на проселочную грунтовую дорогу, и «Лэндровер» теперь показывал все то лучшее, на что он был способен. Мы тряслись по бездорожью, и краснолицый показывал мне испепеленные кроличьими ходами горки: — Видишь, до чего довели! Совсем холмы потерять можно, а там и до нефтяного кризиса недалеко. У него же, у принца, все деньги в шотландскую землю зарыты, а если она обесценится, ему же на нефть придется цену поднимать, а там — война новая, очереди на бензозапонках, кошмар и ужас. Короче, мы тут мир спасаем!

Как все-таки интересно у шотландцев голова устроена. Нет, недаром популярный спатель человечества из фильма «Горец» тоже оказался шотландцем, неспроста.

Тем временем мы доехали до очередной кочки, спешились, краснолицый достал из кузова клетку, мы надели специальные рукавицы, после чего первая птица была вытащена из клетки и пересажена мне на предплечье. Соколица отряхнулась и, перебирая когтистыми лапками, поудобнее устроилась на перчатке. К правой ее лапке был привязан ремешок, который, в свою очередь, мне надлежало пропустить между пальцами своей руки. Проводник объяснил, что, заведя кролика, мне надлежит поднять руку, выпустить ремешок и прокричать что-то забористое, духоподъемное. Соколица, увидев жертву и услышав мой призыв, должна взлететь, разогнаться и вцепиться когтиами в спину несчастного животного. Если все пойдет по плану, то потом птица будет кушать кролика, если нет — то нам надо будет привлечь пернатого охотника щиплятами, которыми у проводника была забита сумка на поясе.

Прослушав вводную лекцию, я с Монтаной (так зовут

птичку) пошел в поля. Краснолицый взял Аризону (другую соколику, чуть крупнее) и последовал за мной.

Вчетвером мы забрались на ближайший холм и осмотрелись на местности. Проводник задумчиво изрек:

— Ветер сегодня сильный, и кролик глазастый пошел. Шансов мало.

Птицы немедленно отреагировали на знакомый голос и расправили крылья.

— Держи ремешок крепче, а то улетит, трать на нее щиплять потом.

Ближайший час мы ходили по полям нефтяного шейха и распутивали кроликов. Завидев или почувствовав нас, грызуны пускались наутек значительно раньше, чем мы успевали их заметить. Птицы, конечно же, тоже видели своих предполагаемых жертв, но ведь не соколы же были главными в этой охоте, а мы, охотники. Пернатые возмущались, клекотали, били крыльями и время от времени добивались своего. Мы запускали их, и стремительные птицы бросались за добычей. И... не успевали. Расстояние было все-таки великовато, и кролики успевали спрятаться в норках.

Еще через час, видимо устав от щиплять, которыми мы приманивали соколов обратно, Аризона решила прикончить утку, мирно плававшую в пруду на соседних владениях. Птица взвилась, а потом бросилась, как это принято говорить, камнем на другую птицу. Утка от такой неспровоцированной атаки даже поперхнулась, чуть было не потеряла контроль, а потом нырнула, и наш сокол победно врзался в лужу. Краснолицый бросился спасать свою птицу. Он перелез через ограду, забрался (блага сапоги были высокими) в воду и вынул барахтавшегося неудачника. В этот момент гордый сокол выглядел мокрой курицей. Натурально.

Наскоро перекусив сэндвичами с ростбифом, мы с краснолицым и птичками (у них на ланч были все те же щиплять) продолжили исследование холмов. Передо мной открывались все новые и новые картины, явно списанные природой у больших и малых голландцев. Аккуратные овечки ходили группками по склонам, язвительные кролики, уже даже не скрывающиеся от обывшихся щиплятами соколов, нагло бегали друг за другом, мы просто наслаждались просторами, свежим ветром, специальными шотландскими красками.

Ближе к вечеру, когда соколы даже перестали смотреть в сторону предполагаемого противника, мы засунули птиц обратно в клетку и вернулись в гостиницу. Ноги и правая рука побаливали от натуги, в животе урчало, голова давно требовала подушки и стаканчика виски. Я зашел в номер, зажег камин и провалился в сон. Во сне я уже не охотился, отлегло.

Рыбалка в низовьях Замбези, Замбия

В Замбии, в низовьях Замбези, в сафари-лагере Chiawa для гостей заведены два грассбуха. В одну книгу прибившие на постой заносит свои име-

на и адреса, в другую, уже при отъезде, они же записывают свой улов — пойманных в реке рыб-рекордсменов, от 12 фунтов и больше. Самых рыбин никто, кроме рыбаков и местного проводника Джеймса, не видит. Лагерь Chiawa разбит на заповедном берегу у заповедных вод, а потому единственный вид рыбалки, разрешенной здесь, называется catch and release — «поймай и отпусти». Вот и появляются в Chiawa Book of Records записи о двадцатикилограммовых сомах и рыбах-тиграх весом 20–30 фунтов. Поди проверь! Где они, эти рыбы? В мутных водах Замбези, вот где!

Конечно, можно подняться по реке миль на десять, выйти за границы национального парка и ловить, не отпуская, сколько душа пожелает. Но рыба ведь тоже обладает некоторым интеллектом. За чем ей, рыбе, искать на свою рыбью голову приключений в неохраняемых местах, когда главная опасность, грозящая ей поблизости от Chiawa, — быть ненадолго вытащенной на воздух, взвешенной и отснятой. После взвешивания ее все равно отпустят, а за добрый кусок крошечного бычьего сердца, наживленный на крючок, можно и попозировать недолго — пусть и с открытым ртом и выпученными глазами.

Не могу сказать, что ловить рыбу меня тянет как-то особо часто. Так, раз в два года, может, реже. Зато уж как потянет, как засвербит, так сладу мне с самим собой нет. Хочется встать спозаранку, натянуть сапоги, взять хлебный мякиш или червя какого, да с удочкой к реке. Хорошо, если зуд этот совпадает с какими-нибудь поездками на природу, а если все это в городе, на Садовом кольце приключается? На Патриаршие бежать, к «Павильону», к бетонному фундаменту неудавшейся стоянки? Чтобы ученики элитных школ и прогудивающий писатель Радзинский смеялись? Духид! Лучше на Замбези, ловить и отпускать, тем более что нынешний приступ удачно совпал с сездом, вернее, с заплывом в лагерь Chiawa.

Прилетев на авиатрамвае «Сессна» из Лусаки на красную грунтовую полосу Royal Airstrip, я был оттранспортирован на автомобиле на берег, пересажена на катер и отправлен вниз по течению в сторону лагера. Минут через сорок показали спрятавшиеся за акациями и манговыми деревьями палатки Chiawa. Для встречи нового гостя на причал высыпал весь лагерьный генералитет — хозяйка, директора, проводники и даже продавщица из магазина сувениров. Одни протягивали мне мокрые полотенца, другие — стаканы с лимонадом и коктейлями, третьи, пользуясь суетой, подсовывали мне на подпись бумагу, снимающую с администрации Chiawa ответственность за все, что может причинить мне вред. Атака на гостя, надо отметить, была хорошо отрепетирована и отличалась слаженностью командных действий.

Минутой позже кто-то что-то прокричал, и все мы гурьбой побежали прогно- нять слона, уже проделавшего брешь в тростниковой изгороди и явно изготавившегося разорить местную кухню. Не тут-то было! Наш топот, решимость и, главное, поднятые десять парами ног клубы пыли отогнали слона на расстояние, с которого машина уже не могла угрожать приближающемуся ужину. Вернувшись на террасу, обращенную к реке, мы стали составлять план действий на завтра. Среди прочего, мне предлагали поездку или прогулку в буш, поход на какках, прочие виды соединения с природой, но мне требовалась рыбалка, и только она. Навдвигающиеся приступы рыболовной болезни уже давали о себе знать. Можно сказать, меня всего уже крутило от предвкушения завтрашнего утреннего клева.

— Хорошо, Геннадий, будь по-вашему. Не хотите смотреть на наших львов — и не надо! Раз вы не едете вместе со всеми в буш, можете утром встать на час-полтора позже, в семь тридцать позавтракаете, в восемь пойдете с Джеймсом — это наш специалист по рыбной ловле — на рыбалку. Идет?

— А как же утренняя зорька, рассвет на реке, туман над водой, бешеный клев? — Знаете, все рыбаки делятся на тех, кто верит в клев на рассвете, клев на закате, в какие-то специальные часы суток, в определенные недели и месяцы, а вот наш Джеймс знает, что рыбу можно поймать всегда. Поверьте ему, и вы не вернетесь без улова. Вернее, без фотографий. Надемся, вы помните, что пойманную рыбу надо отпускать обратно в реку?

На следующее утро, как было предписано, я встал позже всех в лагере. Выглянув за полог палатки и убедившись, что ни одного бегемота рядом с моим жилищем нет (если бы обнаружил, пришлось бы вызывать по радиции подмогу), я поспешил на завтрак. У костра, в зоне которого грелся угнук с овсянкой, я обнаружил давешнего слона. Сегодня он пытался стащить пакетики с чаем, а лагерное начальство, взбывая ботинками клубы пыли, пыталось его отогнать. Начальство добилося тактической победы, но овсянка оказалась безнадежно испорченной песком. Впрочем, не о еде я думал в тот момент. Взгляд мой был устремлен в сторону речных островков, а руки подрагивали, предвосхищая тяжесть удилища. Борцы со слоном представляли мне проводника: — Джеймс Матебо, наш лучший специалист.

Троекратно, по-африкански пожав друг другу руки, мы отправились к пристани. Джеймс предложил мне перейти с берега на понтон, снабженный парой 75-сильных моторов Yamaha, усадил меня в кресло на палубе, и мы отправились вверх по течению. Довольно скоро Джеймс подошел к берегу, привязал понтон к веткам упавшего в воду дерева, взял спиннинг и открыл коробку наживной. В коробке лежало бычье сердце, и, орудя ножом, проводник отрезал от него довольно

внушительный кусок, насадил его на крючок, закинул наживу далеко в реку, вниз по течению и передал удочку мне: — Следите за леской, мистер. Сначала она натянется, потом раздастся характерный треск катушки, и тут уже все в ваших руках. На эту наживу мы ловим тут тигровую рыбу и сома. Неделю назад один гость выловил сома весом 48 фунтов. Это было здесь.

Я, что называется, весь обратился во внимание. Но напрасно. Ни одной поклевки в течение последующих 20 минут не случилось. Джеймс решил поменять место: — Тут, мистер, у меня много мест. Где-нибудь да повест. Мы отцепились от дерева, и понтон, распугивая бегемотов, переместился к середине реки, к одному из ничейных (ни замбийских, ни зимбабвийских) островов. Насадив на крючок новый кусок сердца, я забросил удилище в указанном Джеймсом направлении и вскоре понял, что кто-то все-таки решил полакомиться мясом. Леска резко натянулась, барабан затарахтел, и я, вскопчив и предвкушая добычу, стал вытгивать рыбу из воды. Вскоре большая серебряная зверюга выскочила на воздух, взлетела метра на полтора, сделала кулбит и ушла обратно под воду. Леска натянулась еще сильнее, и сил справиться с механизмом катушки стало не хватать.

— Большая рыба. Тигровая. Фунтов, может, на десять, а может, больше. Джеймс уже стоял у борта понтона со специальными щипцами в руках. — Подводите, мистер, ее ближе к борту, я а зацеплю. Минут через пять рыба садлась, я подвел ее к борту, и Джеймс, зацепившись за губу, вытащил улов на понтон. Яavorожено смотрел на сверкающую тушку. Джеймс достал безмен, нацепил на него рыбин, взвесил и, уважительно присвистнув, сказал: — Двенадцать с половиной фунтов, больше шести килограм. Тигровая рыба такого размера довольно редко попадает на крючок. Теперь вы сможете записать свое имя в журнал рекордов!

Я заглянул речному тигру в пасть, оснащенную огромными зубами. — Вы знаете, мистер, что эта рыба — из рода пираний? Хищная, не о еде я думал в тот момент. Взгляд мой был устремлен в сторону речных островков, а руки подрагивали, предвосхищая тяжесть удилища. Борцы со слоном представляли мне проводника: — Джеймс Матебо, наш лучший специалист.

Троекратно, по-африкански пожав друг другу руки, мы отправились к пристани. Джеймс предложил мне перейти с берега на понтон, снабженный парой 75-сильных моторов Yamaha, усадил меня в кресло на палубе, и мы отправились вверх по течению. Довольно скоро Джеймс подошел к берегу, привязал понтон к веткам упавшего в воду дерева, взял спиннинг и открыл коробку наживной. В коробке лежало бычье сердце, и, орудя ножом, проводник отрезал от него довольно

Прогулки в горах Патагонии

Брат мой всю свою молодость провел в горах. Он не был альпинистом и покорителем вершин, он был горным туристом. С огромным рюкзаком, в бороде и с компанией таких же, как и он, любителей разреженного воздуха брат ходил по Памиру, Кавказу, Алтаю и прочим горным системам, преодолевал перевалы и купался в горных реках.

Несмотря на героический пример, я вырос без бороды и членства в какой-либо секции. Время моей студенческой молодости совпало с перестройкой и гласностью, и мир за железной занавеской оказался столь обширен, что покорение его не оставило времени на альпинизм.

Впрочем, какой-то жушок все-таки подтачивал мою идеологическую платформу. И вот однажды я решился. Разрабатывая маршрут поездки в Патагонию, я попросил своего чилийского партнера устроить мне поход в горы. Нет, не всамделишный — недельный, с палаткой, запасом провизии, водой из речки, но однокдневный, хотя и с лишениями. То, что я попросил, называется hiking, от чего отказался — trekking. В обоих случаях активно используются ноги.

Добраться до Патагонии, до национального парка Torres del Paine нелегко. Надо долететь до Сантьяго, оттуда — до Пунта-Аренас, порта на Магеллановом проливе (с парой походов по пути), потом — до городка Пуэрто-Наталес, стоящего на фьорде Последней Надежды, и только из Пуэрто-Наталес на джипе по дороге из смеси грунта и соли можно доехать до национального парка, получившего свое название из-за гранитных башен, на закате сливающихся с удивительным патагонским небом. Torres del Paine на смеси испанского и местного индейского диалекта — «голубые башни».

Как раз вечером, на закате я и добрался до постоянного двора Hosteria Pehoe на озере Пехое. Здесь, в Патагонии, нет классных гостиниц, разве что знаменитая Explora Lodge на водопаде Сальто-Чико и новый отель Lago Gray на леднике Грей. Моя же остерия ничем практически не отличалась от классической базы отдыха — те же отески в больших, барачного типа корпусах, та же общая столовая для отдыхающих, тот же тип обслуживания. Замечу сразу, что все это раздражало меня лишь в самый первый, ознакомительный вечер. Потом я не замечал уже ничего, даже французской болтовни за одной тоненькой стеной и шума любовной схватки — за другой.

Добравшись до остерии, я бросил сумку в своем отсеке и помчался смотреть на башни. Хотелось убедиться в их голубом окрасе. Ничего подобного! Башни, несмотря на название, были окрашены заходящим солнцем в ровный розовый, тоже очень красивый, но совсем не голубой цвет. А озеро Пехое было зеленым, вернее, малиновым. А небо — пронзительно синим. А облака в нем были похожи на мотки ваты из советской аптеки, белые и неровные. Все это разнообразие чистых, без намека на полутона красок поражаало, как впервые увиденный японский мультфильм, как живопись деревенских примитивистов, как платая Эмилио Пуччи. Сильный ветер нес с собой запахи горных лугов и отнимал последние горькие мысли о бытовой составляющей путешествия в Патагонию.

Насладившись видами и вкусив запаха, я пошел на ужин. За столом меня ждал молодой блондин в бороде и свитере толстой вязки. «Турист», — подумалось мне. — Вы, должно быть, Геннадий. А я Грэг, ваш проводник. Мне передали, что вы хотели бы совершить пару пеших прогулок в горы. Верно?

Я кивнул, а Грэг осмотрел мою несportивную фигуру. — Замечательно! Значит, завтра, в восемь утра я забираю вас из остерии, и мы идем к подножию башен.

— И как долго нам предстоит идти?

— Сущая ерунда. Даже не стоит задумываться. Часов пять-шесть в одну сторону, чуть меньше — обратно. Маршрут для начинающих. Ланч я возьму с собой.

В тот момент, естественно, я еще не представлял, что такое «легкая пятичасовая прогулка» в горах. Совсем не представлял.

Наутро я оделся во все «туристическое» (кеды Comme des Garcons, кашемировый свитер, куртка C.P. Company, etc.) и, позавтракав и дождавшись Грэга с автомобилем, поехал в сторону башен. Проехав по мосту, ширина которого лишь слегка превышала габариты внедорожника, мы спешились, Грэг взял рюкзак с аптечкой и ланчем, и наш беспримерный поход начался. Сначала тропинка шла лугом, вокруг пели птички, и я лелеял надежду, что так же прекрасно все будет продолжаться и следующие пять часов. Потом дорога пошла вверх, в холмы; за холмами открылись горки, и последующие часа два я, обливаясь потом и хватая ртом воздух, пытался не дать сердцу выскочить из груди. На исходе второго часа мы добрались до альпинистского приюта, где мне удалось получить кружку чая и стул. На 15 минут я смог почувствовать себя счастливым.

После краткого и расхолаживающего перерыва попытка продолжилась. Дорога снова завлекла все дальше и дальше почти горизонтальными переходами. Вдоль тропинки текли чистые горные ручьи, и запасы давно закончившейся воды мы смогли пополнить самым простым и естественным способом. Мы шли через допотопный лес, неумолимо продвигаясь с самой тяжелой части маршрута, к крутому подъему по камням. Вскоре мы достигли подножия скал, и восхождение началось. Грэг со спорновой кошки карабкался вверх, перескакивая с одного камня на другой, в то время как моя динамика явно напоминала грацию вылезшего из воды морского котика. Видом я, должно быть, тоже напоминал это милое животное — такой же мокрый и с такими же выпученными глазами.

Проползая вверх, я успевал заметить коллег по восхождению — то тут, то там сидели на камнях (в позе Лянушки с классической картины) и отфыркивались французы, немцы и представители других интересующихся географией наций. Через полтора часа после начала восхождения я сделал последний рывок и выбрался на небольшую площадку, с которой можно было насладиться в полной мере видом голубых башен. Площадку от башен отделяло лишь зеленое, невероятно спокойное озеро.

Грэг достал свертки, и мы, расположившись на камнях, расправились с бутербродами и апельсинами. Настало время идти назад.

Спуск по острому шатающимся камням оказался куда хуже подъема. Сил уже не было, я все время отступал, но мысли о том, что с каждым шагом я становлюсь ближе к дому, грели меня и подгоняли. Мы слезли с горы, почти бегом пробежали лес, коротко остановились в приюте и, поднимаясь и опускаясь по склонам холмов, вернулись к машине. Все путешествие заняло десять часов, и, сев в машину, я понял, что встав из кресла будет совсем нелегко.

Процашся у остерии, Грэг предложил на завтра легкую прогулку на водопадах. Ранее лишившись воли, я согласился. Сдурю.

Не буду описывать подробности второго похода, скажу лишь, что продолжался он 11 часов, а спусков и подъемов в нем было ничуть не меньше. Разве что по каменной стене не карабкались.

Завдла дня пеших «прогулок» в горах я потерял, как мне кажется, килограммов пять и приобрел уверенность в том, что брат мой провел всю свою молодость на рудниках, на галерах, на каторге.

И все-таки я доволен, что я попробовал и осилил. Конечно, я подвергся не самому большому испытанию, то был скорее курс молодого бойца, чем настоящее приключение, но ведь мое счастье от этого не становилось меньше. Я имею в виду то самое счастье, когда добираешься до своей конуры на постоялом дворе, кое-как попадаешь ключом в скважину, сбрасываетесь кеды и валишься на кровать. Ведь это же счастье, правда?